

A woman with long dark hair, wearing sunglasses, a light pink jacket, and dark pants, is sitting on a hill covered in dry, brown leaves. In the background, a golden cross stands on a small pinkish mound against a clear blue sky. The entire image has a stylized, mosaic-like texture.

Евгения Новикова
**ИСТОРИЯ САМОЙ
БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ**

Размышления о пасхальных событиях

16+

Евгения Новикова
История самой большой
любви. Размышления о
пасхальных событиях

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67606649
SelfPub; 2022*

Аннотация

Каждый год христиане по всему миру вспоминают о страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа. В этой истории много разных событий и лиц. Что они могут сказать сегодня нам и о нас самих?

Содержание

Вместо вступления	4
Не отрекайся от Него	6
Вот, Человек	9
Зрелище	12
Это твоя работа	16
Моя чаша	19
Лучший момент жизни	21
Откровение сотника	23
А я Тебя – нет	26
Агнец	28
Очевидность смерти	30
Это вы забрали Его тело?	31
Время ночи	33
Кто отвалит камень от гроба?	35
Пессимизм обречен	37
Столько, сколько потребуется	39
И, наконец, спасибо	41
Послесловие	42

Евгения Новикова

История самой большой любви. Размышления о пасхальных событиях

Вместо вступления

*Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу это мимо
Меня!*

Евангелие от Луки 22:42

На что ты готов ради любви? Ответ «на всё!» звучит внутри прежде, чем ты успеваешь подумать. Ты почему-то знаешь – истинная любовь пойдет на все, сделает все, отдаст все, что необходимо. Для любимых ничего не жалко, ничего не трудно. Правда?

Нет, неправда. Иногда очень трудно. Настолько, что капли пота превращаются в кровь. Ты любишь по-настоящему, и все же цена, которую придется заплатить ради любви, заставляет Тебя бороться, ужасаться и тосковать. Ведь Ты единственный, Кто в полной мере осознает, насколько эта цена высока.

Любимые, вероятно, никогда не поймут, чего Тебе стоило их спасение, их будущее. Кроме Одного – Твоего Отца, Которому так же больно, как и Тебе. И потому, наконец, выходя из Гефсимании, Ты смиренно шепчешь: «Не Моя воля, но Твоя да будет».

Не отрекайся от Него

– Симон, Симон, сатана просил, чтобы все вы были рассеяны, как пшеница, но Я молился о тебе, чтобы ты не потерял веру. И ты сам, когда обратишься ко Мне, укрепи своих братьев.

Петр ответил:

– Господи, я готов идти с Тобой и в темницу, и на смерть!

Но Иисус сказал:

– Говорю тебе, Петр, не успеет и петух пропеть сегодня, как ты трижды отречешься от того, что знаешь Меня.

Евангелие от Луки 22:31-34 (Новый русский перевод)

Какая чудная была ночь! Это была особая Пасха – Учитель омыл ученикам ноги, Он говорил им о единстве и любви. Впрочем, и какие-то тревожные слова звучали из Его уст, но разве это возможно – чтобы они соблазнились о Нем, обоих Мессии!.. Их сердца пели, поэтому так сладко звучали голоса, когда они поднимались на гору, в Гефсиманский сад. Но день был так насыщен, полон впечатлений, что учеников одолела дрема. Иисус, отчего же Ты так тоскуешь?..

Все изменилось внезапно, и стало казаться, что это какой-то сон. Сын Божий арестован, окружен вооруженными людьми и не позволяет заступиться за Себя. Ученики разбегаются. Впрочем, Петр затаился – он только что страстно

обещал Иисусу, что пойдет с Ним даже на смерть. Он последовал за Ним и Его предателем. Держался поодаль.

Там, во дворе первосвященника, греясь у огня, Петр гадал, что с Его Господом происходит за закрытыми дверями.

Его Учитель поруган, оплеван и унижен. Он как власть имеющий переворачивал столы торговцев в храме и смело обличал влиятельных фарисеев, призывая горе на их головы. Сейчас Он ничего не предпринимает – Он сдастся этим «окрашенным гробам».

«Нет, я не знаю, я не узнаю Его». Но ведь ты, Петр, был с Ним там, на горе преображения. Его лицо сияло как солнце, Его одежды были белы как снег. С Ним говорили великие пророки Моисей и Илия, и голос Небесного Отца звучал: «Это Мой возлюбленный Сын, слушайте Его».

Вспомни, Петр, Иисус ведь говорил вам, ученикам, что все это будет – Он пострадает от старейшин, первосвященников и книжников. Он будет убит.

«Нет, нет!.. Я не один из них». Но, Петр, Иисус воскресил Лазаря. А ведь он четыре дня пролежал в гробу. Христу тоже надлежит воскреснуть, Петр! Это слово «воскреснуть», ты ведь уже слышал его. Ты уже думал о нем.

Пусть твои родные плюют Ему в лицо. Пусть ложно обвиняют бывшие соратники, пусть смеются друзья. Пусть обстоятельства твердят, что Он бессилен. Верь Его слову – вы еще встретитесь в Галилее. Там, где все начиналось, где Он впервые протянул тебе руку, чтобы сделать тебя ловцом людей.

Не отрекайся от Него.

Вот, Человек

Пилат вышел еще раз и сказал им:

– Смотрите! Вот, я вывожу Его еще раз, чтобы вы убедились, что я не нахожу в Нем никакой вины.

– Вот Человек, – сказал Пилат, когда Иисус вышел в терновом венке и в пурпурной мантии.

Евангелие от Иоанна 19:4-5 (Новый русский перевод)

Вот, Человек. Он еле стоит на ногах перед Своим народом. Он избит солдатами Рима – теми же, кто угнетает этот народ, рьяно верующий в свою богоизбранность. Этот Человек стоит, согнувшись – изнуренный бессонной ночью допроса, изуродованный палками и плетьюми с острыми шипами, окровавленный, обесчещенный. Нелепый, в терновом венце с длинными шипами – жалком подобии царской короны, в этой багровой простыне – жалком подобии царской мантии. Но униженным иудеям этого недостаточно.

Они кричат своим завоевателям: «Распни! Распни Его! Кровь Его на нас и на наших детях!», и у тебя, привыкшего казнить и расправляться с неудобными, к горлу подкатывает тошнота.

Его не за что распинать. Ты чувствуешь, что сделать это – значит переступить последнюю черту. Да, ты несправедлив, ты далек от добродетели, но судить Иисуса Назарянина

– словно оказаться на самом краю жуткой бездны.

«Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божьим», – говорят Его обвинители, а ты слышишь это как еще один аргумент в Его защиту. Твоя жена видела о Нем сон, она сказала: «Не делай зла этому праведнику». Праведник... Безмолвный, будто растворившийся в ужасе и боли, Он похож на Того, кто больше праведника.

И все же – вот, Человек. Преданный, осмеянный, ненавистный. Несколько дней назад Его встречали при въезде в город с хвалебным «Осанна!» и клали свои одежды перед Ним. Сегодня они требуют для Него мучительной казни. Что больнее – эти крики или удары плетей?.. Но Он будто бы и не ожидает ничего другого. Он с царским достоинством принимает этот недостойный, несправедливый суд.

«Царство Мое – не одно из царств этого мира. Если бы оно было таким, то Мои подданные сражались бы за Меня, чтобы Я не был передан иудеям. Но сейчас Мое Царство не отсюда», – вспоминаешь ты Его слова.

Да, религиозные начальники обвинили Его в том, что Он называет себя иудейским Царем, а значит, готовит восстание против Рима. Но какой из Него революционер?.. А среди этих людей, собравшихся вокруг твоего дворца, нет никого, кто вступился бы за Него и возвысил голос в Его оправдание.

«Я не нахожу в Нем никакой вины», – решаешься ты. Ты предлагаешь этому кровожадному сброду отпустить Иисуса вместо Вараввы, настоящего злодея и мятежника. Вот кого

можно было бы распять. Но этому народу не нужен живым Тот, кто говорит, что истина – в любви к своим врагам.

«Я родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто на стороне истины, слушает Меня», – так сказал Он тебе.

Но что есть истина? Куда привела она Его самого? Провозгласивший Себя Богом и Царем, Он стоял на террасе твоего дворца, принимая приговор от лицемеров и трусов. И ты – один из них.

«Вот, Царь ваш», – еще раз попытался ты. Но как раскат грома, слышишь в ответ еще одно жуткое лицемерие: «Нет у нас царя кроме кесаря!»

Да, у них нет царя. А эта прозрачная вода на твоих руках... Нет, *она* не способна смыть твою вину.

Зрелище

И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Кириинянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нёс за Иисусом.

Евангелие от Луки 23:26

Войдя в ворота Иерусалима, он будто бы вошел в беспокойное море. Суета перед шаббатом, особенно перед Пасхой, – явление привычное, но сегодня она ощущалась как нечто пугающее, угрюмое, роковое. На лицах одних горожан Симон узнавал смятение и подавленность, на других – стыд и вину, а третьи ясно выражали бессильный гнев.

Он свернул на одну из древних узких улиц, заключенных в высокие стены каменных домов, как в тиски, и понял, в чем дело – римляне вели очередную партию преступников на распятие. Это были мятежники – гордые иудеи, не желающие мириться с жизнью под властью завоевателей, страстные бунтари, руководители и участники восстаний, которые то и дело вспыхивали в разных частях этой покоренной Риму «провинции».

Симона увлек поток свидетелей медленной и мучительной расправы. Они следовали за обреченными на казнь и сопровождающими их солдатами, и кроме трусливого трепета, Симон почувствовал в этих душах какое-то мрачное удовле-

творение от происходящего. Их насыщало зрелище жестокости одних и страданий других.

Осужденные оставляли за собой следы – кровь сочилась из их ран от бичевания и других пыток. Жизнь вытекала из них, поэтому они шли медленно и неровно, еле удерживая в ослабевших руках перекладину для креста – с этой доской они уже не расстанутся до последнего вздоха.

Казалось, один из трех преступников волновал толпу больше остальных. Он был страшно изувечен, а в голову впился терновый венец. Симон заметил несколько женщин, которые неотрывно смотрели на этого человека с ужасом и... надеждой? Выражения их лиц будто отражали ту физическую боль, которую Он испытывал. Одни плакали беззвучно, другие надрывно рыдали, взывая к Нему: «Иисус!». От этих криков и плача мороз шел по коже.

Этот осужденный вдруг остановился и, собрав последние силы, сказал: «Дочери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, потому что наступают дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!» Тогда начнут говорить горам: «Падите на нас!», и холмам: «Покройте нас!» Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?»

Симон понял вдруг, что читал такие слова в свитке Осии, но то было пророчество о Самарии. Сейчас этот пораженный человек предрекал гибель Иерусалиму. Он был пророком?

Один из солдат подтолкнул Иисуса, и Он упал, выронив

перекладину из рук. Народ остановился, затаив дыхание. Тот же солдат ударил Иисуса палкой по спине, понукая встать. На дрожащих руках Он приподнялся над землей, и Симон, неожиданно для себя, в два шага приблизился к Нему, помогая опереться на ноги, поддерживая Его за локти. Римлянин грубо оттолкнул Симона и еще раз ударил Иисуса по спине, указывая на перекладину креста. Но Он стоял, не шевелясь, чтобы не упасть снова. Тогда солдат оглянулся на Симона и, поймав его взгляд, коротко дернул жестким подбородком в сторону доски. Его острый взгляд не предлагал выбор.

Толпа не двигалась. Симон посмотрел на преступников впереди, гадая, сколько еще им предстоит идти, и наклонился за перекладиной, опасаясь новых ударов для пророка в венце.

Так он стал четвертым героем этой печальной процессии. Симон ощутил тяжесть, но не от деревянного бруска на плечах, а от десятков, сотен пар глаз, которые вдруг увидели его. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, а ладони стали влажными и скользкими. Он стал частью истории позора и жуткого зрелища.

Эти глаза, эти лица. Они еще не раз приснятся ему. В этих взглядах, которые теперь прикасались к нему, спотыкались об него на пути к Иисусу – ужас и страх, злоба и насмешка, ненависть. Но больше всего леденит кровь невысказанное, но пронзительное, звенящее в воздухе сомнение. *Может ли действительно невинный человек быть так наказан?*

Как Симон оказался здесь? Почему именно он из всех остальных свидетелей? Были ли они только свидетелями, или соучастниками преступления? Крест давил все сильнее, воздуха не хватало. Иисус шел рядом, и Симону казалось, что он тоже истекает кровью.

Но осужденный – не он. Симон дошел до Голгофы, как один из обреченных, но там у него забрали его груз. Это не его крест. Или?..

Это твоя работа

*Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня,
пронзили руки мои и ноги мои.*

Псалом 21:17

Над Иерусалимом разливался зной, а по телу, скованному доспехами, – жар. Но доблестному воину Рима не пристало жаловаться или выражать недовольство. Хотя для этого были и более весомые причины.

Сопровождать особо опасных преступников на распятие, чтобы стать одним из их палачей – не то чтобы любимая часть службы кесарю. Кровь – не вино на пиру, а стоны умирающих – не оды победителям в славных битвах. Да, ты вершишь правосудие, но в отличие от Пилата, тебе потом придется умывать руки отнюдь не символически. И не только руки.

Сколько подобных дней на твоем счету? Мысль о новой казни уже не вызывает никаких чувств. В первый раз это ужасало и будоражило, и ты напрягал все силы, чтобы не пасть духом в присутствии военачальников, терзая эти жалкие, изломанные тела. Впрочем, в тех, кого ведешь на Голгофу, уже трудно разглядеть людей.

Вот один из них. На Его табличке написано «Царь Иудейский». Из-за Него у дворца прокуратора сегодня поднялся

шум. Пилат хотел избавить Его от казни, но иудеи настояли. Странно, что Сам обвиняемый все время молчал.

Перед этим Его подвергли бичеванию – удивительно, как Он выжил после этого. И вот теперь Он почти падает на Свой крест. Ты берешь Его за руку и вытягиваешь ее вдоль патибулума. Ты берешь гвоздь и молоток, примеряешься и ударяешь. Царь Иудейский вскрикивает, а ты чувствуешь, как железо рассекает плоть, удар за ударом вонзаясь все глубже, пока не проникает в дерево. Твои руки в Его крови, она стекает по локтям, капает на доспехи. Ты повторяешь ту же процедуру снова, для другой руки. Берешь веревку и крепко привязываешь запястья преступника к перекладине.

Для ног предусмотрен всего один гвоздь, и его путь длиннее. Ты кладешь одну ступню осужденного на другую. Его ноги одеревенели, их сводит судорогой, удержать их в правильном положении нелегко. От напряжения у тебя на лбу выступает испарина, и шум в ушах заглушает крики других распинаемых и смех других палачей.

Но вот самая грязная часть работы сделана. На пару с другим солдатом ты натягиваешь концы веревки и отходишь на несколько шагов. Статицулум ввинчивается в землю, и крест принимает вертикальное положение. Ты видишь, как тело на нем выгибается от ужасной боли, ты слышишь, как хрустят кости, а из горла распятого вместо вопля вырывается только хрип.

Табличка, с которой этот человек пришел на Голгофу, те-

перь прибита у Него над головой. «Царь Иудейский». Было ли в Нем что-то особенное?

Моя чаша

Телом Своим вознёс Он грехи наши на крест, чтобы мы умерли для греха и жили праведно. Ранами Его исцелены вы. 1 послание Петра 2:24 (Современный перевод WBTC)

Стоя на этом холме, увенчанном кровавыми крестами, подумай о том, что у всего есть последствие.

Каждое последствие – это действие установленного кем-то закона. Когда мы выпускаем предметы из рук, они падают в соответствии с законом тяготения. Когда мы прикасаемся к раскаленному металлу, на коже остается ожог. Когда проливается кровь, из тела уходит жизнь.

Крест, на котором распят Иисус, – это наше последствие. Твое и мое. Унижение, невыносимая боль, невыразимое страдание, тотальное одиночество, мучение и смерть – это наш результат и финиш. Конечный итог любого нашего выбора в жизни без Него. Потому что так или иначе любой наш выбор без Него основан на лжи. Она прельщает нас своим свистящим шепотом со времен Эдема.

«Не умрете, но будете как боги», – это так сладко звучит. Трудно поверить, что это «как», эта ненастоящая независимость действительно ведет к смерти.

Иисус знает про это неверие, поэтому, обогнав меня на пути к Голгофе, заняв мое место, перенося мое страдание,

Он взывает к моему Создателю: «Отче, прости им, они не ведают, что творят».

Неужели не ведаем? Да. Мы думаем, что можно сохранить душу отдельно от ее Творца, ведь мы будто бы знаем, что есть добро или зло. Но без Бога наша душа задыхается. Без Него ей однажды станет нечем дышать.

Подойди к кресту поближе и взглядишь в Того, Кто не должен там стенать. Это твоя чаша и участь, неизбежное следствие грехопадения.

Почему Он это сделал? Ответ на вопрос спрятан Им в глубине твоего сердца. Там, сокрытая от многих, пульсирует в тебе жажда по любви. Она, как сирена, издает сигналы тревоги в темной и пустой бездне, но даже ты часто не способен ее расслышать.

Иисус видит эту жажду ясно, и сквозь века взывает: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей!». А ты видишь, как Его кровь стекает с креста, и в ушах звучат другие странные слова: «Едущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную».

Вместо чаши гнева твой Господь предложил тебе чашу Своей любви, которая не перестает. Эта любовь не сравнится ни с чем – что может быть больше нее, отдавшей Себя вместо тебя? Если ты примешь эту чашу, то уже не будешь жаждать. Если ты примешь ее, сирена в твоём сердце, наконец, умолкнет. Она уступит место совершенной мелодии, Песни песней.

Но примешь ли ты ее?

ЛУЧШИЙ МОМЕНТ ЖИЗНИ

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твоё! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Евангелие от Луки 23:39-43

Иисуса распяли между двумя мятежниками. При жизни Он был другом мытарям и грешникам, и в смерти оставался рядом с ними.

Для этих злодеев, казалось, все было кончено. Они умирали позорной и жуткой смертью – был ли кто-то, кто плакал о них там, на Голгофе? Но вот один из них свидетельствует о себе, что осужден справедливо, что он принял достойное по своим делам. Какими же были его дела, раз такую мучительную смерть он считает достойным, соразмерным наказанием за них? Остался ли хоть кто-нибудь, кто от него не отвернулся?

Этот разбойник – воплощение одиночества. Его сердце было сокрушено. Это слышно по просьбе, обращенной к

Иисусу: «Вспомни обо мне в раю». Он не просит о милости, избавлении, облегчении своих страданий. Он говорит только: «Хотя бы подумай обо мне».

А потом... вы слышите эту симфонию? Иисус сказал тому разбойнику, что Он не просто не забудет о нем. Он возьмет его с Собой в рай.

Почему тот человек стал мятежником? Почему он прожил злодейскую жизнь? Кто знает. Все от него отвернулись, он сам списал себя со счетов, но Иисус не отрекся от Него.

И может быть только там, в последние минуты на земле, во время ужасных мук, тот злодей, наконец, обрел настоящего друга. И как это ни парадоксально, это был самый лучший момент его жизни.

Ведь эта жизнь только начиналась.

Откровение сотника

Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме разодралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим. Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий.

Евангелие от Матфея 27:54

Ты стоишь у креста, на котором распят царь Иудейский. Так гласит табличка, прибитая Пилатом над Его головой. Твои солдаты делят между собой Его вещи, религиозные вожди подвластной Иудеи насмеваются над Ним, Его последователей не видно. Только женщины плачут на безопасном расстоянии.

Для тебя это обычное дело – стеречь преступников в их последние часы и минуты жизни, чтобы никто не попытался облегчить им переход в мир иной.

Только этот разбойник будто бы необычный. Ты слышишь, как Он стонет от боли, отказавшись от питья, притупляющего чувства. Он молится о прощении Своих палачей, а ты – один из них. Он обещает рай одному из распятых ря-

дом бунтарей – Он уверен, что Сам сегодня же будет там. Он просит кого-то позаботиться о Своей матери.

О Нем рассказывают, что Он исцелял и воскрешал, кормил тысячи людей пятью хлебами, превращал воду в вино. Люди ходили за Ним толпами, как же Он тогда оказался здесь?

Ты всматриваешься в Его изуродованное лицо (твои воины не сдерживали себя), ищешь на нем доказательства Его вины, но на землю опускается тьма. Странно, что становится мрачно среди бела дня.

«Отче! В Твои руки предаю дух Мой!» – говорит этот царь, и ты чувствуешь, как у тебя под ногами дрожит земля.

Нет, Он совсем не обычный мятежник. В этом страдании нет страха или ненависти. Он все еще любил тех, кто еще вчера следовал за Ним, а сегодня плевал Ему в лицо. Он кричал: «Прости им, ибо не ведают, что творят».

А почему тебе нужно быть таким жестоким к тем, кто и так угнетает тобой? Почему не удержаться от того, чтобы истязать того, кто не может убежать и бороться? Откуда эта неутолимая жажда крови?

Вот она, течет с креста, капает на горячий песок. Воздух пропитан ей. Она такая же красная, как у тебя, но свою кровь ты никому не дашь пролить без сопротивления. Он позволил. Почему?

«Других спасал; пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий», – вспоминаешь ты издевки изра-

ильских старейшин.

«Прости им, Отче». Что, если Он не нуждается в спасении? Что если, страдая на кресте, Он остается Спасителем? Что если Его смерть – это выбор не отвечать злом на зло и добровольная жертва за тех, кто злом захвачен? За проигравших революционеров по обе стороны от Него, за этих желчных фарисеев, невежественных иудеев, за твоих бессердечных солдат и за... и за тебя?

Запрокинув голову, ты смотришь на Его раскинутые руки, заслонившие тебя от почерневшего неба. «Совершилось!», – восклицает Он на последнем вздохе.

И ты, гордый римлянин, склоняешь свою голову перед Ним.

А я Тебя – нет

В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши.

1 послание Иоанна 4:10

Каково это – признаться человеку в любви, заранее зная, что она безответна? Именно зная – не думая уверенно, убежденно, что такого просто не может быть, а точно, на 100% осознавая – человек не испытывает к тебе того же прекрасного, самого лучшего чувства во Вселенной.

Зачем вообще идти и говорить ему об этом? Что изменится? Разве это не станет для него лишним и неудобным бременем?

«Я люблю тебя».

«А я тебя – нет».

Ты же не надеялся глубоко в душе, что прозвучит невероятное «Я тебя тоже». Ты ведь знаешь наверняка, что это не так. Но разве не больно это услышать? Эти слова – как гвозди, вонзаются глубоко, заставляют истекать кровью. Смотри, они наносят тебе раны, которые не затянутся никогда.

«А я тебя – нет». Эти слова будут звучать в твоём сознании снова и снова. Ради чего ты на это пошел?

О. Вот почему. В ушах другого, любимого, будут звучать другие слова. Твои слова. Возможно, они и лягут на его ду-

шу бременем, но это бремя... Однажды оно может стать якорем. Однажды, когда он с тоской подумает: «Никто меня не любит» или «Я никому не нужен», память придет ему на помощь. «Я люблю тебя», – снова услышит он. Он грустно этому улыбнется и попробует жить дальше, осторожно надеясь, что действительно не все потеряно. Ведь где-то есть или где-то был когда-то тот, кто сумел его полюбить.

А что ты? Ты отдал все, ведь любовь не может по-другому. Она не ищет своего и все переносит. Она никогда не перестает.

Иисус как никто тебя в этом понимает.

Агнец

Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стрижушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

Книга пророка Исаии 53:6-7

Что привычно для священника Иерусалимского храма?

Запах крови и земли, почерневшей от нее. Блеяние овец, мычание быков. Хруст костей. Дым от жира на жертвеннике.

День за днем, месяц за другим, год за годом отработанным движением он перерезает глотки молчаливых животных, чья участь оказалась незавидной – умереть вместо своего владельца, который нарушил какую-то заповедь. Он не почтил своего Создателя, и, скорее всего, при этом пострадал его ближний.

Эти жертвенные животные хотели бы убежать, да не могут возразить. И все, что от них останется, должно быть сожжено на третий день.

Что чувствует священник, впервые наблюдая, как из нежного ягненка с черными влажными глазами теплой струей вытекает жизнь? Что он испытывает, видя, как эти глаза закрываются, как невинная жертва, обмякнув, тяжелеет у него

на руках?

Может быть, священнику жалко. Но это продолжается день за днем, месяц за другим, год за годом. Несколько веков. Снова и снова священник, как и его отец, как и его дед, видит – за грехи виноватых умирают беспорочные. Животные не сопротивляются, а люди получают Божье прощение.

Посмотри, священник, на распятого Иисуса.

Неужели Он тебе никого не напоминает?..

Очевидность смерти

Итак, они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи.

Евангелие от Иоанна 19:40

Человек умер. Сердце не бьется, не прощупывается пульс. Кожа меняет цвет – сначала она приобретает синеватый оттенок, потом желтеет. Черты лица заостряются, неуволимо меняются. И чем дольше ты смотришь, тем более странным все кажется. Ты уже не видишь того, кого оплакиваешь. Перед тобой кто-то другой, совсем незнакомый.

Все-таки смерть – вещь жутко ненастоящая.

Но эти руки и ноги со следами от гвоздей, опухшее лицо, разорванный римским копьем бок... Они осязаемы. Ты задумчиво протираешь тело мокрой тканью, смывая и оттирая запекшуюся кровь, а потом натираешь его благовониями, смирной и алоэ. Ни один мускул не дернется от прикосновения к страшным, рваным ранам, грудь не дрогнет от резкого вздоха. Его глаза закрыты, губы сомкнуты. Каждое мгновение ты ждешь, что наваждение пройдет – сейчас Он повернет голову, сейчас Он что-то скажет.

Ты укутываешь Его пеленами, не встречая сопротивления. Ты обвиваешь Его голову платком. Ты берешь Его лицо в ладони, чтобы до конца осознать – Он ушел.

Это вы забрали Его тело?

Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их; из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия, пришёл к Пилату и просил тела Иисусова; и, сняв его, обвил плащаницею и положил его в гробе, высеченном в скале, где ещё никто не был положен.

Евангелие от Луки 23:50-53

Иисус умер. Учитель, которого вы слушали втайне от других членов синедриона, больше ничего не скажет. Он никого не исцелит и не накормит хлебом. Ему не удалось изменить мир, и для вас все осталось бы по-прежнему. Вы солидный человек, зачем вам было отдавать свой гроб мертвецу, который так плохо кончил?

Иисуса казнили распятием. Как и других преступников, Его закопали бы где-то за чертой города, без почестей. Да и на что они Ему теперь?.. А вы, наконец, решили рискнуть своей репутацией, своим положением и пошли к Пилату просить о Его трупе. Думали, это утешит Его мать, или поможет Его последователям? Как на это отреагировали ваши влиятельные друзья, требовавшие смерти Иисуса у Рима?

Наконец, справедливо ли это по отношению к вашей семье? Это место для погребения, упокоения вас и ваших

близких – подумали вы о них?

Подождите, уважаемый Иосиф. Помните, Иисус как-то цитировал пророка Исаию... В синагоге Он заявил: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы...» Вы не нищий, Иосиф. Но, очевидно, ваше сердце было сокрушено.

Да, в свитке Исаии есть и такие слова: «Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его»? Что же, Иосиф, вы думали, это об Иисусе? И вы – тот самый богатый?

А дальше написано: «Когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его».

Да, действительно, Иисус говорил о Своем воскресении. Вы и в это поверили, Иосиф? Вы думали, что у этой истории есть продолжение?

Что ж, вы взяли Его истерзанное тело... А Он забрал ваш фамильный склеп. Станный получился обмен, не так ли? Но теперь до конца веков над этой темной и пустой пещерой гулким эхом разносится «Его нет здесь. Он воскрес».

И вас, Иосиф, здесь тоже нет.

Время ночи

Вечером водворяется плач, а на утро радость.

Псалом 29:6

Как бы апостолы описали дни после распятия и до воскресения Христа? Это время, вероятно, было наполнено парализующим ужасом, разочарованием и смятением. Ведь ученики, как и многие другие, надеялись, что Иисус свергнет иго римлян, станет израильским царем и посадит их рядом с Собой править. Но Его арестовали и предали позорной казни. Он умер, Его похоронили.

Три года они ходили с Ним, слушали о Небесном Царстве. На них смотрели, как на Его друзей – друзей великого Пророка, который творил невиданные чудеса. Рядом с Ним они были не простые рыбаки или ненавистные сборщики налогов. У учеников была надежда на какую-то великую судьбу. Но сегодня им кажется, что все кончено, ведь Иисуса больше нет рядом. О чем Он говорил в последний раз за ужином?..

Тишина может быть разной. Однажды, стоя на носу лодки, которую из стороны в сторону раскачивало бушующее Галилейское море, Иисус повелел ветру и волнам успокоиться. Наступившее безмолвие было ошеломляющим. Из-за благоговейного страха язык не поворачивался спросить прямо: «Кто же Ты, что и стихии повинуются Тебе?»

Сегодня тишина угнетает, но мы не в силах ее нарушить. У нас нет ответов и мы не знаем, к кому за ними идти. Видимо, остается только ждать, когда эта ночь закончится.

А она обязательно закончится. Давление тишины рассеется от криков женщин, которые не нашли Иисуса в гробнице. Петр увидит Его на берегу у костра. Фома вложит пальцы в Его раны. Ход истории изменится, мир перевернется.

Подождем еще немного – время отчаяния проходит. И однажды ночь не вернется никогда.

Кто отвалит камень от гроба?

По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?

Евангелие от Марка 16:1-3

Да, Христа распяли. Ученики спрятались. У гроба – стража и тяжелый камень с римской печатью, повреждение которой каралось смертью по закону. Но к гробу идут женщины – они должны завершить обряд погребения, прерванный в пятницу из-за шаббата, должны как полагается набальзамировать тело Учителя.

Они несут благовония, но не знают, кто отвалит камень от гроба.

Когда Иисус приходил воскресить Лазаря, вокруг было много людей, скорбевших о нем. Они отвалили камень по просьбе Учителя и увидели чудо. Но кто сделает это сегодня, и не ради чуда – ради новых слез? Ведь сегодня Воскрешающий по другую, темную сторону гробницы.

Женщины!.. У них нет ответов, но они продолжают идти. «Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду», – так, кажется, Он говорил.

Кто же, Мария, отвалит камень от гроба? В этом гробу твои надежды, твоя радость и любовь, твой мир и твое исцеление. Ты не ожидаешь, что Жизнь выйдет к тебе оттуда, но тебе хочется еще раз посмотреть на воспоминание о ней. Может быть, твоя печаль о Нем, как аромат благовонных мастей, вытеснит запах смерти.

Женщина, ты права. Вопрос о камне – вопрос риторический. Как тот, который однажды задал Петр: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни».

На кого еще тебе надеяться, кого просить, к кому идти? Твой ответ снова приходит к тебе с небес.

Время обернуться от пустого гроба. Там нет Того, Кого ты ищешь. Не плачь, посмотри – Твоя жизнь прямо перед тобой.

Пессимизм обречен

Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.

Евангелие от Иоанна 20:25

Апостол Фома как-то мрачно призвал остальных учеников Иисуса: «Пойдём и мы умрем с Ним». Дело было перед тем, как их Учитель воскресил из мертвых Лазаря в Вифании, селения неподалёку от Иерусалима. Иудеи к тому времени уже пытались побить Христа камнями.

Фома был верным, но пессимистом. Когда Христос воскрес, он отказывался признавать это, пока не вложит пальцы в раны Учителя. Он был так подавлен, что не мог оставаться в кругу других учеников, и пропустил первое появление воскресшего Иисуса!

Но любовь Иисуса к Фоме больше всего этого и способна снизить к его ошибкам. Те, кого называют пессимистом – помните, что как минимум один такой был в близком кругу учеников, он был в Его команде.

Фома готовился к худшему, а увидел чудо воскрешения. Он не умер вместе с Иисусом – Иисус умер вместо него. Наконец, Фома увидел своего воскресшего Господа, и его сви-

детельство стало особым: «Ребята, Он действительно умер, и в самом деле воскрес. Я не только видел Его после распятия живым, во плоти – Он позволил мне вложить пальцы в Его раны!» Мог ли Фома говорить об этом спокойно?

Иисус тогда сделал Своему ученику величайший подарок. Он сказал: «Будь верующим». Слово Бога не возвращается к Нему тщетным.

Если вы узнаете себя в Фоме, то все-таки пока не уходите далеко. А если уже ушли, поворачивайте назад. У вас будет второй шанс.

Придет последний час и для нашего пессимизма.

Столько, сколько потребуется

Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! Любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: «Любишь ли Меня?», и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя.

Евангелие от Иоанна 21:17

Ты был так самонадеян, Петр. Пока Твой Господь ужасался и тосковал в Гефсимании, ты спал. Ты не мог бодрствовать даже один час – не знал, что готовит тебе следующий. В миг бедствия твоя сила оказалась бедна. Но ведь Он предупредил тебя, Он увещевал.

Ты думал, твоей харизмы будет достаточно. А если нет, у кого-то на поясе висит меч.

Ты заметил, что Иисус был к этому готов? Он знает вас, Своих учеников, и потому сказал наперед: «Я воскресну и буду ждать вас в Галилее. Сегодня вы отступите от Меня, вы разбежитесь, но через несколько дней Я буду ждать вас там, где Мы начали наш путь». Твое отречение, Петр – это еще не конец.

Несмотря на то, что ты отказался от Него трижды. Не просто отказался – ты поклялся при свидетелях, ты божился, что не знаешь Его. Пока не закричал петух, пока Иисус, обернувшись, не посмотрел на тебя – Петр, ты даже не понял, что

натворил. А теперь ты будешь думать об этом всякий раз, как услышишь эту петушину песню.

Но, Петр! Иисус уже ждет тебя в Галилее.

Он знает, что ты вернешься к Нему и вновь пойдешь за Ним. Он знает, что ты любишь Его. Да, Он спросит тебя об этом – и ты ответишь Ему, Петр. Скажи Ему «люблю» за каждое «нет» во дворе первосвященника.

Скажи «люблю» своему Господу столько, сколько требуется.

И, наконец, спасибо

И будете Мне свидетелями... даже до края земли.

Деяния 1:8

Люди и просили, и требовали: «Исцели!» – Ты исцелял. «Очисти!» – Ты очищал. «Освободи!» – Ты освобождал. Иногда они смиренно добавляли: «Господи, если хочешь». Ты делал больше того, о чем они просили. Ты успокаивал бури, превращал пресное в искрящееся весельем, насыщал голодных, утолял глубинную жажду одинокой души посреди знойной пустыни.

Но лишь один из десяти возвращался к Тебе, чтобы поклониться и сказать «Спасибо».

Люди говорили Тебе: «Сражайся!», но Ты сдался. «Отвечай!», – но Ты молчал, «Сойди с креста!», – но Ты остался на нем. Они кричали: «Спаси Себя!», а Ты спас их.

Пусть мне придется развернуться на 180 градусов и остаться в этом решении одной, пусть предстоит какую-то часть пути назад пройти непонятой и одинокой – я хочу быть как тот исцеленный прокаженный, который вернулся к Тебе, чтобы поклониться.

За все, что Ты сделал – о чем я не ведала, чего желала и о чем не просила – за все Тебе спасибо.

Спасибо.

Послесловие

*Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа.
Деяния 2:38*

Все, что произошло с Иисусом, случилось ради нас. На кресте были распяты наши позор, страдание, вина и одиночество. Кровь Святого Сына Божьего смыла наши преступления, чтобы мы снова могли прийти к нашему Создателю, Небесному Отцу – прийти и получить прощение, обрести мир, восстановить взаимоотношения с Тем, Кто есть сама Любовь, неопишимо прекрасная.

Вы можете начать жизнь с чистого листа прямо сегодня. Обратитесь к Богу с этой молитвой:

Господь, я прихожу к Тебе таким, какой есть, прошу, услышь меня. Прости за жизнь, прожитую без Тебя, за грехи, которые я совершал. Прими мое покаяние.

Иисус Христос, я верю, что Ты родился и жил на этой земле, и умер на кресте за меня, взяв на Себя все мои грехи, и воскрес на третий день. Я принимаю Тебя в свое сердце как Господа и Спасителя.

Научи меня, Господи, жить по Слову Твоему. Да исполнится воля Твоя в моей жизни! Аминь.

Если вы сделали это – поздравляю! Напишите мне на

prostojanny@mail.ru.

У этой истории, истории самой большой любви, конца не будет. Эта история – вечная.